

ЗОЛОТООРДЫНСКИЕ ГОРОДА: ОСОБЕННОСТИ И КРИТЕРИИ АРХЕОЛОГИЧЕСКОГО ОПРЕДЕЛЕНИЯ

Васильев Дмитрий Викторович, кандидат исторических наук
Астраханский государственный университет
Российская Федерация, 414056, г. Астрахань, ул. Татищева, 20а
E-mail: hvdv@mail.ru

Автор пытается выяснить, насколько велико было влияние городов в Улусе Джучи и каковы были причины возникновения городов в степи. Кроме того, в статье решается дискуссионная проблема соотношения археологических остатков золотоордынских поселений с типами населённых пунктов – городов, посёлков, сёл. Он подробно анализирует имеющиеся в науке концептуальные подходы к периодизации урбанизации Золотой Орды, а также критикует существующие принципы интерпретации памятников археологии. Предложен ряд критериев правомерности соотношения археологического памятника с городом золотоордынской эпохи. Это следующие параметры: исключительно большие размеры памятника, наличие богатого подъёмного материала, включающего остатки столовой и тарной посуды, в том числе поливной, наличие богатого нумизматического материала, наличие остатков строений из обожжённого кирпича, наличие мощного культурного слоя, наличие среди находок большого числа ремесленных изделий, наличие свидетельств транзитной торговли (предметов импорта и торгового инвентаря), возможность соотношения памятника с упоминающимся в письменных источниках золотоордынским городом, наличие местной монетной чеканки. Кроме того, нужно принимать во внимание, считался ли данный населённый пункт городом в Средние века.

Ключевые слова: Золотая Орда, Улус Джучи, город, поселение, городище, городская культура, урбанизация, археология, история, Средневековье

CITIES OF THE GOLDEN HORDE: FEATURES AND CRITERIA OF ARCHAEOLOGICAL DEFINITION

Vasilev Dmitry V., Ph.D. (History)
Astrakhan State University
20a Tatischeva st., Astrakhan, 414056, Russian Federation
E-mail: hvdv@mail.ru

The author is trying to find out how great was the influence of cities in Ulus Juchi and what were the reasons for the emergence of the cities in the steppe. In addition, the article deals with the discussion problem of correlating archaeological remains of the Golden Horde settlements with the types of settlements – cities, towns and villages. He thoroughly analyzes the conceptual approaches in science to the periodization of the urbanization of the Golden Horde, and also criticizes the existing principles of interpretation of archeological monuments. The author offers a number of criteria for the legitimacy of relating the archaeological monument to the city of the Golden Horde era. These are the following parameters: the exceptionally large size of the monument, the presence of a rich finds on the surface of the ground, including the remains of a tableware and a container utensils, including glazed ceramics, the availability of a rich numismatic material, the presence of remains of buildings built of burned bricks, the presence of a powerful cultural layer, the presence of a large number of handicraft items among the finds, the availability of evidence of transit trade (items of imports and trade equipment), the possibility of relating the monument to the Golden Horde city that mentioned in written sources, the presence of local coinage. In addition, one must take into account whether the given settlement was considered a city in the Middle Ages.

Key words: Golden Horde, Ulus Juchi, city, settlement, ancient settlement, urban culture, urbanization, archeology, history, the Middle Ages

Поразительно, но факт: большая часть сведений о Золотой Орде, которую мы привыкли воспринимать как кочевое государство, получены археологами в результате раскопок развалин золотоордынских городов. Насколько же велико было влияние городской культуры в Улусе Джучи и каковы были причины возникновения городов в степях?

Археологические исследования начала XXI в. позволяют отнести к числу оседлых регионов предмонгольской эпохи помимо Среднего Поволжья, Хорезма, Крыма, Северного Кавказа и Приазовья также дельтовые и пойменные районы Нижней Волги, где располагались город Саксин и сопутствовавшие ему поселения, которые образовывали одноимённую область [3, с. 189–267]. Таким образом, города стали относительно новым социальным и хозяйственным явлением лишь для степного региона, центром которого являлось Нижнее Поволжье. Именно уровень развития нижеволжских городов Золотой Орды можно считать тем показателем, который отражает уровень развития Улуса Джучи на каждом этапе его существования, а жизненный цикл этих городов удивительно точно совпадает с жизненным циклом золотоордынского государства в целом.

Как писал Г.А. Фёдоров-Давыдов, города монголов основывались по приказам монгольских завоевателей и быстро вырастали трудом подневольного населения как ремесленные и торговые центры [15, с. 215–220]. Новые города в странах с развитыми традициями городской жизни возникали в качестве новых административных центров, которые не были связаны с прежними опорными пунктами власти. В регионах же с преобладанием кочевой культуры основные причины возникновения городов были связаны, по мнению В.Л. Егорова, с изменениями, происходившими в обществе самих кочевников [8, с. 45–49]. Возможно, у монголов в доимперский период существовали какие-то элементы оседлости, поскольку в «Сокровенном сказании» упоминается какое-то население, пользующееся деревянными дверьми, наряду с монголами, живущими за войлочными стенами [9, с. 151–163]. Но здесь наверняка не было ещё городов с укреплениями и торгово-ремесленными функциями, которые появляются у кочевников лишь после образования государства с бюрократическими функциями, с аппаратом чиновников и прочими атрибутами. Оперативные решения может принимать хан в кочевой ставке. Однако громоздкий и разветвлённый чиновничий госаппарат нуждается в постоянном местопребывании. Это первая стадия развития городской жизни. Как пишет В.Л. Егоров, если город возникал как исключительно административный центр, то его жизнь без экономической подпитки была недолгой. Вторая стадия развития – перерастание небольшого административного центра в центр ремесла и торговли, который превращается в многолюдный город [8, с. 45–49].

В качестве примера появления города как административного центра можно рассмотреть ранний Каракорум (городище Хир-Хира). Вторую стадию наблюдал Гильом де Рубрук, который побывал в Каракоруме на рубеже 1253 и 1254 гг. [2, с. 20]. Опираясь ещё на одно на сообщение Рубрука, В.Л. Егоров делает предположение, что и столица Улуса Джучи – Сарай – на раннем этапе существования представляла собой небольшой город, скорее напоминающий кочевье [8, с. 44–45]. Он также выделяет два основных типа городов у монголов в степной зоне и на ранней стадии развития государства. Тип 1 – Город, возникший как административный центр вокруг зимней ставки, когда «на помощь армии, вооружённой луками и саблями приходит армия, вооружённая перьями и законами» [8, с. 46]. В дальнейшем эти города приобретают функции торговых и ремесленных центров и обрастают бахчами и посевами. Тип 2 – это город-колония. Эти города заселялись ремесленниками и земледельцами из захваченных оседлых земель для обеспечения кочевников своей продукцией. В качестве примера такого города в Золотой Орде В.Л. Егоров приводит Бельджамен (Водянское городище) [8, с. 47].

Г.А. Фёдоров-Давыдов выделял особенности, которые присущи были городам Золотой Орды. Первая – строительство новых городских центров в сжатые сроки, с

использованием труда пленников, стимулирование процесса ханской властью. Вторая – развитие рабовладельческого хозяйственного уклада, что особенно ярко проявилось в такой форме организации ремесла, как рабская мануфактура типа иранского кархана. Третья особенность – дуализм города и кочевой ставки-орды. В городе концентрировалась экономическая мощь государства, в кочевой ставке – политическая [15, с. 215–220]. М.Г. Крамаровский пишет, что с появлением городов и денежного обращения в степи приходят новые формы разделения труда, новые, экономические способы концентрации, перераспределения и реализации прибавочного продукта, получаемого из степи, земледельческих зон империи, а также в результате международной торговли. Города становятся центрами трансконтинентальной торговли, духовной жизни, интеллектуальной деятельности и полиэтнической культуры. Однако, ресурсы городов, их жизненный ритм оказались подчинены степной империи. Крушение власти кочевых ханов автоматически приводит к краху степных городов [10, с. 567–568].

В качестве основных причин строительства новых городов в степях Нижнего Поволжья, которое стало центром самостоятельного государства Джучидов, а также неполного использования потенциала старых городских центров оседлых регионов, А.Ю. Якубовский называл благоприятное сочетание здесь природно-климатических условий, позволяющих вести земледельческое и кочевое хозяйство [5, с. 68]. Кроме того, Нижнее Поволжье располагалось на пересечении торговых путей, которые являлись самыми важными на континенте – Волго-Каспийского торгового пути и северного маршрута Великого Шёлкового пути. Контроль над этими путями наполнял ханскую казну. Однако, до воцарения хана Менгу-Тимура говорить о самостоятельности Улуса Джучи не приходилось, а это значило, что доходы от старых городских центров уходили каракорумским ставленникам [16, с. 78]. Таким образом, развитие Нижнего Поволжья, которое являлось личным доменом ханов из дома Бату и аккумулировало материальные и людские ресурсы [2, с. 24], означало возможность «перехвата» части доходов, которые сулила эксплуатация оседлых регионов.

Итак, основным фактором, определяющим возникновение золотоордынских городов, является фактор административно-политический. В качестве примеров подобного возникновения городов можно привести обе столицы Золотой Орды – Старый и Новый Сарай [2, с. 25]. М.Г. Сафаргалиев писал, что большинство городов, возникших при монголах, было построено на месте военных лагерей – он считал, что причина возникновения города зачастую может быть прочитана по его названию. В качестве примеров он приводил Старый Крым, Ак-Керман (Монкастро), Хан-Керман (Касимов), Керменчук (на реке Вятке), Кременчук (на Днепре) и другие. Слово «керман» в половецком словаре переведено на латинский как «Castrum» – «укрепление», «крепость», «лагерь». Помимо этого, название современного Темникова в Мордовии, сибирской Тюмени, Тюмени на реке Тереке он связывает с местами расположения лагерей ханских темников – начальников десятитысячных гарнизонов [13, с. 79]. В.Л. Егоров связывал возникновение таких городов, как Тула, Калуга, Елец в так называемой «буферной» лесостепной зоне между русскими и собственно ордынскими владениями с существованием на их месте баскаческих слобод и военных застав [6, с. 23–24]. М.Н. Насонов фиксирует многочисленные названия деревень, происхождение которых восходит также к баскаческим поселкам и слободам, на территории Руси: Бскаки, Бскаково, Бскачи и т.п. [11, с. 180–20].

Другие города Золотой Орды, по словам М.Г. Сафаргалиева, были обязаны своим возникновением караванной торговле. К таковым он относил Солхат, Азак (Гану), Маджар, Сарай, Сарайчик, Хаджи-Тархан, Укек, Бельджамен [13, с. 79–80]. Однако, как справедливо заметил М.Г. Крамаровский, вопрос о том, что новые города Джучидов появляются вне воли ханов и поддержки родовой и воинской аристократии, не стоит даже обсуждать: в Золотой Орде, тем более в XIII в., не было другой социальной силы, способной изменить стереотип кочевнического хозяйствования в

пользу седентаризации [10, с. 572]. Кроме того, тезис М.Г. Сафаргалиева о возникновении городов из укрепленных лагерей не выдержал проверки временем. Археологические исследования, проведенные на многих золотоордынских городищах, дали целый комплекс «фактов, свидетельствующих о том, что в урбанизации коренных областей Улуса Джучи был использован способ принудительной концентрации ремесленников. Но не в форме укрепленных поселений. В степи Джучидам нечего и некого было опасаться» [10, с. 574].

Города в степи возникали по воле ханов без опоры на традиции предшествующего периода. Интересно, что в ходе раскопок на развалинах городов, которые были основаны монголами на новом месте, нигде до сих пор не выявлена стадия «предгорода». Таким образом, пока не удалось проследить эволюцию золотоордынского города с момента основания до превращения в полноценное городское поселение.

В настоящее время в изучении градостроительства в Золотой Орде существует концепция, предполагающая наличие двух основных путей возникновения городов. Это «степной» путь (в тех районах, где отсутствовала традиция оседлости домонгольского времени) и «автохтонный» (там, где существовали города со своими градостроительными традициями). На деле же в чистом виде эти «пути» нигде не реализуются, поскольку изначально имперская культура монголов была синкретичной и базировалась на смешении оседлого и степного элементов, на взаимопроникновении разнообразных культурных традиций [10, с. 574].

В.Л. Егоров в своё время выделил шесть стадий развития городов в Золотой Орде [7, с. 78], среди которых были период восстановления и использования старых городов, существовавших ещё до прихода монголов – 40-е гг. XIII в., начало градостроительства в степях во время правления Бату – первая половина 50-х гг. XIII в., подъём градостроительства при Берке – с середины 50-х до середины 60-х гг. XIII в., период замедленного роста городов – с 70-х гг. XIII в. до начала второго десятилетия XIV в., расцвет градостроительства при Узбеке и Джанибеке – со второго десятилетия до 60-х гг. XIV в., затухание и упадок градостроительства – с 60-х гг. XIV в. до 1395 г.

Как показали дальнейшие исследования, в этой общей схеме не учтенными оказались локальные особенности городской культуры в Золотой Орде [14, с. 16].

М.Г. Крамаровский, опираясь на нумизматические исследования, выделяет следующие этапы «лидерства наиболее значимых стационарных поселений и градообразующих провинций» [10, с. 576–578].

Первый период (1240–1250-е – до 1290-х гг.). Монетная чеканка сосредоточена в старых городских центрах – Болгаре, Крыму, Хорезме и появляется в новообразованном Сарае.

Второй период (1290–1341 гг.). Начинается он с исчезновения на 30 лет монетной чеканки в Болгаре при сохранении остальных центров чеканки. В этот период предпринимается попытка чеканки монеты от имени Ногая в Крыму и в Исакче. При хане Тохте начинается чеканка монет в Маджаре. При Узбеке монеты выпускаются в центрах улусов – в Крыму, в Сарае, Хорезме, Мохши и Болгаре, а также в Азаке и Сыгнаке.

Третий период – от Джанибека до Тохтамышша (1341/42 – 1380/81 гг.). Лидерами монетной эмиссии в этот период выступают монетные дворы Сарая ал-Джадид и Хорезма. В связи с распадом государства начинается независимая монетная чеканка в Гюлистане, Бельджамене, Ак-Сарае, Мохше, Хаджи-Тархане, Сарайчике. Процветают монетные дворы Шахр ал-Джедид в Поднепровье, Орду ал-Муаззам в Поднепровье, Азака в Подонье. На протяжении всего периода независимости Хорезма здесь выпускаются даже золотые динары.

Четвёртый период приходится на время правления от Тохтамышша до Джалал ад-Дина (1380–1412 гг.). В этот период все региональные центры становятся городами-эмитентами. Вместе с ними работает монетный двор кочевой Орды [4, с. 97–102].

Из этой периодизации отчётливо видно, что новые центры эмиссии, которые активизируются в годы политической раздробленности, не являются признаком упадка урбанизации, они маркируют начало выравнивания уровней экономического развития регионов, которое стало возможным в годы обретения политической независимости. Эти процессы запускаются всегда и везде в ситуации феодальной раздробленности некогда единой страны.

Л.Ф. Недашковский выделяет основные этапы развития округа золотоордынских городов Нижней Волги, основываясь на закономерностях денежного обращения в регионе. Всего он насчитывает шесть этапов: 1. 1266–1310 гг. (с начала правления Менгу-Тимура до реформы Тохты); 2. С 1310 по 1365 гг. (с реформы Тохты до начал массового обрезывания старых дирхемов и снижения веса новых монет); 3. С 1365 по 1380 г. (период разгара междоусобицы в Улусе Джучи); 4. С 1380 по 1395 г. (правление Тохтамыша); 5. С 1395 по 1420 г. (эпоха Идегея); 6. С 1420 по 1459 г. (период распада Золотой Орды) [12, с. 225].

В.Г. Блохин пришёл в своём исследовании к похожим результатам, используя обобщённые нумизматические данные. Критикуя В.Л. Егорова, он пишет, что выделение им второго и третьего периодов развития градостроительства кажется необоснованным и не подтверждается ни археологическими, ни письменными источниками. К настоящему времени известно только одно монументальное здание, которое могло быть построено при Берке – мечеть в Болгаре. Каких-либо чётко выраженных культурных слоёв, датируемых XIII в., на нижеволжских памятниках до настоящего времени не выявлено [2, с. 40]. На основании анализа монетного материала кладов с территории Нижнего Поволжья можно сказать, что в период с 1240-х по 1310 г. В градостроительной политике золотоордынских ханов на Нижней Волге каких-либо кардинальных изменений, чередования периодов подъёма и замедленного развития уловить сложно [2, с. 41]. Монетная активность начинается в 671 г.х. в Сарае, и в течение всей второй половины XIII в. происходит медленное поступательное развитие городов, начинается постепенная концентрация ресурсов, обеспечивших подъём градостроительства в конце правления Тохты, когда с 710 г.х. начинает функционировать монетный двор «Сарай ал-Махруса», который обеспечил чеканку монеты для всего государства. Резко увеличивается объём денежного обращения в годы правления ханов Узбека и Джанибека. Политическая дестабилизация, связанная с Великой замятней 1359–1380 гг., привела к стагнации в градостроительстве и к сокращению в несколько раз объёмов денежного обращения. Следующий подъём денежного обращения связан с кратковременным объединением страны под властью Тохтамыша в 1380–1395 гг. Окончательный же подрыв хозяйственно-экономических основ государства связан с походом Тимура на Золотую Орду в 1395–1396 гг. Большая часть золотоордынских городов погибла, однако наиболее крупные центры, связанные с международной транзитной торговлей, возродились и существовали ещё долгое время. К их числу относятся, например, Сарай, Хаджи-Тархан и Сарайчик, ставшие политическими центрами постордынских государств [2, с. 42–44].

Таким образом, согласно В.Г. Блохину, историю развития городов нужно делить на следующие отрезки:

1. Период медленного поступательного развития урбанизационной структуры – с 1240-х гг. по начало XIV в.
2. Стремительный подъём градостроительства – с начала XIV в. до начала 60-х гг. XIV в.
3. Период упадка городской культуры, связанный с Великой замятней – начало 60-х гг. – начало 80-х гг. XIV в.
4. Временный незначительный подъём, связанный с восстановительной деятельностью Тохтамыша – начало 80-х гг. XIV в. – 1395 г.
5. Полная деградация городской культуры в Золотой Орде – 1395 – первая половина XV в.

Таким образом, налицо стремление большинства исследователей, касавшихся данного вопроса, найти опору для аргументации выделения периодов развития и существования золотоордынских городов в монетном обращении на территории Улуса Джучи. Тем самым признаётся чрезвычайная важность торговли, ремесла и уровня развития рынка в целом для существования городов в Золотой Орде. Отметим также общую особенность данных периодизаций – основной исторический рубеж, на котором был дан старт урбанизации, в целом связан с обретением Улусом Джучи реальной независимости от Монгольской империи.

В.Л. Егоров насчитывает на территории бывшей Золотой Орды остатки 110 населённых пунктов, которые на настоящий момент по большей части археологизированы и представляют собой городища и селища. 30 городов, известных в средневековье до сих пор не локализованы [7, с. 139]. Археологические наблюдения близки к сведениям о 170 городах в степи, которые приводит Эвлия Челеби [17, с. 143]. Однако являются ли все городища и селища в степях от Днестра до Урала и Западной Сибири остатками городов? Очевидно, что нет.

Сам В.Л. Егоров считал наиболее важными золотоордынскими городами Сарай, Сарай ал-Джедид, Хорезм (Ургенч), Гюлистан, Булгар, Биляр, Азак, Крым, Кафу, Хаджи-Тархан, Орда-Базар, Бек-Базар, Укек, Сарайчик, Мохши, Шехр ал-Джедид, Маджар. Эти города выделены по наличию у них права монетной чеканки. Кроме того, к важнейшим относятся города Бельджамен, Тюмень, Трестаго, Аккерман, помеченные флажками на карте братьев Пицигани. Все они были не только центрами ремесла и торговли, но и важными административными центрами [7, с. 139].

Так, В.Г. Блохин высказал сомнение в завышенном, на его взгляд, уровне урбанизированности Золотой Орды. Он считает, что большинство памятников, исследованных лишь разведочно, не дают возможности отнести их к категории городов. Даже раскопанные площади на остатках крупных поселений незначительны по сравнению с размерами самих поселений. Естественно, что в подобных условиях данные о структуре, функциональной нагрузке, времени и условиях возникновения тех или иных поселений будут достаточно условны. Из всего списка городищ, который приведён у В.Л. Егорова, В.Г. Блохин причисляет к остаткам городов лишь Увек, Хаджи-Тархан, а также Водянское, Селитренное и Царёвское городища. Статус ещё нескольких крупных поселений – Мечётного, Комсомольского, Красноярского, Самосдельского – автор предлагает определить после проведения широкомасштабных раскопок [1, с. 164–171].

Естественно, что подобная постановка вопроса абсурдна. Археолог и историк, приняв эти правила, лишаются возможности не просто рассуждать о золотоордынских городах в общем, но даже судить об интерпретации того или иного отдельно взятого объекта «до проведения широкомасштабных исследований». К сожалению, для многих памятников археологии такое время не наступит никогда – это совершенно очевидно. Таким образом, мы сталкиваемся с проблемой археологической и исторической идентификации памятника и рискуем превратить любой поселенческий памятник в непознаваемый объект. Ясно также, что проблема состоит в степени допущения, с которой мы готовы смириться в ходе исторической интерпретации.

Известным фактом является отсутствие у большинства золотоордынских городов укреплений, во всяком случае, у тех, которые существовали в степях. Исходя из общепринятой археологической терминологии, мы должны назвать остатки этих городов «селищами» (даже те, которые В.Г. Блохин определяет в качестве остатков городов). Тем не менее, по сложившейся традиции они именуются городищами, поскольку являются остатками крупных городов, т.е. поселений, которые современниками назывались городами. Теоретические основы отнесения того или иного поселения к городам ещё не выделены и не разработаны. Можно предложить в качестве таковых следующие:

1. Исключительно большие размеры памятника (размеры золотоордынских городищ варьируются в пределах от 15 га до 3600 га). Этот критерий субъективен, но учесть все местные особенности невозможно. Л.Ф. Недашковский, например, предлагает остатками крупных городов считать памятники с площадью 205–3385 га (таких в Нижнем Поволжье всего четыре – Увек, Царёвское и Селитренное городища и Шареный бугор, что несколько расходится с точкой зрения В.Г. Блохина). К группе малых городов он относит памятники с площадью 10–100 га, к остаткам сельских поселений – селища с площадью 1–7 га, а к группе деревень – селища с площадью менее 1 га [12, с. 15].

2. Наличие богатого подъёмного материала, включающего остатки столовой и тарной посуды, в том числе поливной.

3. Наличие богатого нумизматического материала – медных и серебряных монет.

4. Наличие на памятнике остатков строений из обожжённого кирпича, а также поливных изразцов, мозаики и майолики.

5. Наличие мощного культурного слоя, датирующегося как минимум XIV в.

6. Наличие среди находок большого числа фрагментов ремесленных изделий (не только керамики) – костяных, железных, медных, стеклянных, а также, возможно, следов производств.

7. Наличие на памятнике свидетельств транзитной торговли – значительное число предметов импорта, свинцовых грузиков-пломб, медных гирек, бронзовых и костяных весов и пр.

8. Возможность соотнесения памятника с упоминающимся в письменных источниках или с отмеченным на средневековых картах золотоордынским городом по особенностям топографии или по монетному материалу.

9. Одним из критериев отнесения памятника археологии к категории городов может явиться свидетельство чеканки на нём монеты в своё время, пусть даже в краткий период. Это будет означать, что поселение являлось административным и экономическим центром большой или малой округи, а значит выполняло функции города. (Конечно, при этом следует также учитывать факт наличия обильной монетной чеканки в кочевой ставке – Орде, которая городом не являлась, по крайней мере – стационарным).

Кроме того, нужно иметь в виду, что средневековые критерии города не всегда совпадали с современными. Если населённый пункт считался городом в средние века и это зафиксировано в письменных источниках, у нас нет оснований считать его остатками сельского поселения.

Список литературы

1. Блохин В. Г. Золотоордынские города Нижнего Поволжья: проблема социокультурной идентификации археологических бытовых памятников / В. Г. Блохин // Проблемы археологии Нижнего Поволжья. – Волгоград, 2007. – С. 164–171.
2. Блохин В. Г. Археология золотоордынских городов Нижнего Поволжья / В. Г. Блохин, Л. В. Яворская. – Волгоград : Волгоградский гос. ун-т, 2006. – 249 с.
3. Васильев Д. В. Город и область Саксин в свете новых данных археологии / Д. В. Васильев // Поволжская археология. – 2015. – № 2 (12). – С. 189–267.
4. Гончаров Е. Ю. Монетные дворы Улуса Джучи / Е. Ю. Гончаров // Монеты и денежное обращение в монгольских государствах в XIII–XIV вв. – Москва : Нумизматическая лит-ра, 2005. – С. 97–102.
5. Греков Б. Д. Золотая Орда и её падение / Б. Д. Греков, А. Ю. Якубовский. – Москва – Ленинград : АН СССР, 1950. – 505 с.
6. Егоров В. Л. Золотая Орда: мифы и реальность / В. Л. Егоров. – Москва : Знание, 1990. – С. 23–24.
7. Егоров В. Л. Историческая география Золотой Орды в XIII–XIV вв. / В. Л. Егоров. – Москва : Наука, 1985. – 246 с.
8. Егоров В. Л. Причины возникновения городов у монголов / В. Л. Егоров // История СССР. – 1969. – № 4. – С. 39–49.

9. Козин С. А. Сокровенное сказание. Монгольская хроника 1240 г. под названием *Mongrol-un Niruca tobciyan*. Юань Чао Би Ши. Монгольский обыденный изборник / С. А. Козин. – Москва – Ленинград : АН СССР, 1941. – 620 с.
10. Крамаровский М. Г. Город и городская жизнь в Золотой Орде / М. Г. Крамаровский. // История татар с древнейших времён : в 7 т. – Казань : Ин-т истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2009. – Т. 3: Улус Джучи (Золотая Орда) XIII – середина XV в. – С. 567–589.
11. Насонов А. Н. Монголы и Русь (история татарской политики на Руси) / А. Н. Насонов. – Москва – Ленинград : АН СССР, 1940. – 178 с.
12. Недашковский Л. Ф. Золотоордынские города Нижнего Поволжья и их округа / Л. Ф. Недашковский. – Москва : Наука, 2010. – 368 с.
13. Сафаргалиев М. Г. Распад Золотой Орды / М. Г. Сафаргалиев. – Саранск : Мордовское книж. изд-во, 1960. – 279 с.
14. Фёдоров-Давыдов Г. А. Золотоордынские города Поволжья / Г. А. Фёдоров-Давыдов. – Москва : Московский гос. ун-т, 1994. – 228 с.
15. Фёдоров-Давыдов Г. А. Исторические особенности городов в монгольских государствах Азии в XIII-XIV вв. / Г. А. Фёдоров-Давыдов // Средневековая городская культура Казахстана и Средней Азии. – Алма-Ата : Наука, 1983. – С. 215–220.
16. Фёдоров-Давыдов Г. А. Общественный строй Золотой Орды / Г. А. Фёдоров-Давыдов. – Москва : Московский гос. ун-т, 1973. – 180 с.
17. Эвлия Челеби. Книга путешествия: (Извлечения из сочинения турецкого путешественника XVII века) / сост. и отв. ред. А. Д. Желтяков. – Москва : Наука. Гл. ред. восточной лит-ры, 1979. – Вып. 2: Земли Северного Кавказа, Поволжья и Подонья. – 288 с.

References

1. Blokhin V. G. Zolotoordynskie goroda Nizhnego Povolzhya: problema sotsiokulturnoy identifikatsii arheologicheskikh bytovykh pamyatnikov [Golden Horde cities of the Lower Volga region: the problem of socio-cultural identification of archaeological household monuments]. *Problemy arheologii Nizhnego Povolzhya* [Problems of archeology of the Lower Volga region]. Volgograd, Volgograd State University Publ., 2007. pp. 164–171.
2. Blokhin V. G., Yavorskaya L. V. *Arheologiya zolotoordynskikh gorodov Nizhnego Povolzhya* [Archeology of the Golden Horde cities of the Lower Volga region]. Volgograd, Volgograd State University Publ., 2006. 249 p.
3. Vasilev D. V. Gorod i oblast Saksin v svete novykh dannykh arheologii [City and domain of Saksin in the light of new archeology data]. *Povolzhskaya arheologiya* [Volga region archaeology]. 2015, no. 2 (12), pp. 189–267.
4. Goncharov E. Yu. Monetnye dvory Ulusa Dzhuchi [Mints of Ulus Juchi]. *Monety i denezhnoe obrashchenie v mongolskikh gosudarstvakh v XIII–XIV vv.* [Coins and Money Circulation in the Mongolian States in the 13th-14th Centuries]. Moscow, Numisnatcheskaya literature Publ., 2005, pp. 97–102.
5. Grekov B. D., Jakubovskiy A. Yu. *Zolotaya Orda i ee padenie* [The Golden Horde and its fall]. Moscow – Leningrad, Academy of Sciences of the USSR Publ., 1950, 505 p.
6. Egorov V. L. *Zolotaya Orda: mify i realnost* [The Golden Horde: myths and reality]. Moscow, Znanie Publ., 1990, pp. 23–24.
7. Egorov V. L. Istoricheskaya geografiya Zolotoy Ordy v XIII–XIV vv. [Historical geography of the Golden Horde in the XIII–XIV centuries]. Moscow, Nauka Publ., 1985, 246 p.
8. Egorov V. L. Prichiny vozniknoveniya gorodov u mongolov [Reasons of genesis of Mongolian cities]. *Istoriya SSSR* [History of the USSR], 1969, no. 4. pp. 39–49.
9. Kozin S. A. *Sokrovennoe skazanie. Mongolskaya khronika 1240 g. pod nazvaniem Mongrol-un Niruca tobciyan. Juan Chao Bi Shi. Mongolskiy obydennyy izbornik* [The Secret Tale. Mongolian chronicle of 1240 under the name Mongrol-un Niruca tobciyan. Yuan Chao Bi Shi. Mongolian trivial digest]. Moscow – Leningrad, Academy of Sciences of the USSR Publ., 1941, 620 p.
10. Kramarovskiy M. G. Gorod i gorodskaya zhizn v Zolotoy Orde [The city and urban life in the Golden Horde]. *Istoriya tatar s drevneyshikh vremyon: in 7 vol.* [History of the Tatars from ancient times. In seven volumes. III. Ulus Dzhuchi (Golden Horde) XIII – middle of the XV century: in 7 vol.]. Kazan, Tatarian Academy of Sciences Institute of History named after Sh. Mardzhani Publ., 2009, vol. 3, pp. 567–589.
11. Nasonov A. N. *Mongoly i Rus (istoriya tatarskoy politiki na Rusi* [Mongols and Rus: (the history of Tatar politics in Russia)]. Moscow – Leningrad, Academy of Sciences of the USSR Publ., 1940, 178 p.

12. Nedashkovskiy L. F. *Zolotoordynskie goroda Nizhnego Povolzhya i ikh okruga* [Cities of the Golden Horde in the Lower Volga and their neighborhood]. Moscow, Nauka Publ., 2010, 368 p.
13. Safargaliev M. G. *Raspad Zolotoy Ordyy* [The disintegration of the Golden Horde]. Saransk, Mordovian Book Publ., 1960, 279 p.
14. Fedorov-Davydov G. A. *Zolotoordynskie goroda Povolzhya* [Cities of the Golden Horde in the Volga region]. Moscow, Moscow State University Publ., 1994, 228 p.
15. Fedorov-Davydov G. A. Istoricheskie osobennosti gorodov v mongolskikh gosudarstvakh Azii v XIII–XIV vv. [Historical features of cities in the Mongolian states of Asia in the XIII–XIV centuries]. *Srednevekovaya gorodskaya kultura Kazakhstana i Sredney Azii* [Medieval urban culture of Kazakhstan and Central Asia]. Alma-Ata, Nauka Publ., 1983, pp. 215–220.
16. Fedorov-Davydov G. A. *Obshchestvennyy stroy Zolotoy Ordyy* [The social order of the Golden Horde]. Moscow, Moscow State University Publ., 1973, 180 p.
17. Evliya Chelebi. *Kniga puteshestviya (Izvlcheniya iz sochineniya turetskogo puteshestvennika XVII veka)* [Book of travels (Extracts from the work of a Turkish traveler of the XVII century): Translation and commentary]. Ed. by A. D. Zheltyakov. Moscow, Nauka Publ., 1979, issue 2, 288 p.

БЛАГОТВОРИТЕЛЬНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ АСТРАХАНСКОЙ ЕПАРХИИ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX – НАЧАЛЕ XX ВЕКА

Кучерук Ирина Владимировна, доктор культурологии, профессор
Астраханский государственный университет
Российская Федерация, 414018, Астрахань, ул. Татищева, 20а
E-mail: irikucheruk@rambler.ru

Раскрывается многоаспектная благотворительная деятельность Астраханской епархии во второй половине XIX – начале XX в., включающая как личные жертвования церковных иерархов, членов попечительских советов и приходской общественности в адрес неимущих, так и открытие при храмах богаделен и больниц, учреждение и содержание учреждений духовного и духовно-школьного образования, формирование специального стипендиального фонда для учащихся-сирот. В этом опыте автор усматривает не только традицию, но и нравственный пример социального служения церкви, который может быть востребован и в современных условиях развития российского общества.

Ключевые слова: Русская православная церковь, благотворительность, попечительство, социальное служение

CHARITABLE ACTIVITY OF THE ASTRAKHAN DIOCESE IN THE SECOND HALF OF THE XIX – EARLY XX CENTURY

Kucheruk Irina V., D.Sc. (Culturology), Professor
Astrakhan State University
20a Tatishcheva st., Astrakhan, 414018, Russian Federation
E-mail: irikucheruk@rambler.ru

The article reveals the multifaceted charitable activity of the Astrakhan Diocese in the second half of the 19th and the beginning of the 20th century, including both personal donations of church hierarchs, members of the board of trustees councils and parish public towards the poor, opening at the churches of the hospice and hospitals, establishment and maintenance of institutions of spiritual and spiritual-school education, the formation of a special scholarship fund for orphans. In this experience, the author sees not only the tradition, but also a moral example of social service of the Church, which can be claimed in the current conditions of the development of Russian society.

Keywords: Russian Orthodox Church, charity, guardianship, social service